

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

О. Йокояма

КОГНИТИВНЫЙ СТАТУС ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЯЗЫКЕ И ИХ ПРАГМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ¹

Гендерная лингвистика занимается преимущественно двумя проблемами: а) описанием самих гендерных различий на всех уровнях языка и во всех сферах языковой деятельности и б) социолингвистическим исследованием социальных причин и последствий этих различий. В данной работе предлагается рассмотреть вопросы, относящиеся скорее к когнитивной лингвистике, а именно: каков когнитивный статус проявления гендерных различий в системе русского языка, как можно моделировать порождение речи, содержащей гендерные признаки и что интересного можно выделить таким моделированием? Попытка моделирования предлагается в рамках транзакционной модели дискурса [Yokoima, 1988].

Вариативность, встречающаяся в границах одного национального языка, известна в языковедении уже давно. В частности, целая подобласть лингвистики посвящена изучению диалектов. Кроме традиционной территориальной диалектологии, изучаются также социальные диалекты, язык города, просторечие. Сложность определения некоторых первичных понятий, связанных с этими областями, четко ощущается, например, при определении понятия территориального диалекта. С одной стороны, определение его как множества (в математическом смысле) языковых признаков, частично пересекающегося с множествами признаков как соседних диалектов, так и всего национального языка, представляется вполне удобоваримым. С другой стороны, вопрос о том, следует ли называть данное множество языковых признаков диалектом языка *X* или же самостоятельным языком *Y*, часто решается не линг-

¹ Редколлегия журнала «Известия Уральского государственного университета» выражает признательность издателям J. van Leeuwen-Turnovcova, K. Wullenweber, F. Schindler, U. Doleschal за право публикации русского варианта данного текста.

вистически: применяется известное определение Вайнрайха: «Язык – это диалект плюс армия». Практические достоинства этого определения хотя бы на одной только территории бытования славянских языков очевидны каждому слависту. Такое решение, однако, не устраняет теоретической неясности в различии между языком и говором.

Размытость понятий усматривается и в термине «русский разговорный язык» (в недалеком прошлом – «русская разговорная речь»). Сдвиг в сторону термина «язык» тут весьма значителен: он свидетельствует о переосмыслении статуса множества языковых признаков, характеризующих этот вариант великорусского языка. Отметим, что в русской стилистике до сих пор говорят о «разговорном стиле», причем имеются в виду те же признаки, что описаны в работах по русскому разговорному языку [Розенталь, 1974; Кожина, 1983; Сиротинина, 1993].

На лингвистические признаки (в первую очередь на лексические средства) опирается также и понятие функциональных стилей, еще одного признака вариативности. Стилистике, в которой обычно не рассматриваются территориальные или социальные диалекты, с ее множеством разногласий по поводу определения самого понятия «стиль» следует посвятить отдельное исследование, в особенности в связи со стремительным развитием за последнюю четверть века пересекающихся с ней молодых дисциплин – прагматики и лингвистики дискурса. Отметим, однако, одну эмпирическую разницу между стилем и диалектом: средний носитель литературного языка владеет несколькими стилями, используя их в зависимости от функциональных условий; несколькими территориальными диалектами средний носитель литературного языка, как правило, не владеет. Исходя из того, что в речи носителей русского языка отмечается тенденция не к постоянному использованию гендерных различий, а скорее к «подключению» или «отключению» их в определенных условиях (о которых речь пойдет ниже), гендерные различия представляются подобными скорее стилю, чем диалекту.

С другой стороны, если учесть, что многие носители диалекта хотя бы частично владеют и литературным языком, переключаясь на более близкие к литературной норме виды речи в определенных условиях, различие между стилем, нормой и диалектом у таких носителей диалекта размывается. Если в речи такого носителя регионального говора наблюдаются как диалектные, так и литературные признаки, причем колебания эти зависят от определенных функциональных условий, то не следует ли считать, что различия между родным говором носителя и литературным языком сводятся только к стилистическим различиям?

Попытки провести четкую понятийную границу между языковыми вариантами – будь то стили или диалекты – представляются автору малоперспективными. Предлагается подойти к вопросу вариативности по-иному, исходя, в частности, из явления гендерной вариативности в русском языке².

² Вопрос о статусе гендерных различий решается неоднозначно и в английской лингвистической школе, где традиционное определение диалекта как системы, свойственной определенному носителю независимо от ситуации, а стиля – как подсистемы, используемой носителем лишь в определенной коммуникативной ситуации (см. например, [Crystal, Derek, 1969; Halliday, 1973: 41]), сводится как раз к этому «постулату» диалекта и «переключаемости» стилевых систем в отношении носителей языка. Исходя из таких несколько упрощенных определений диалекта и стиля, в 70-е и 80-е годы гендерные различия в английском языке рассматривались как социальный диалект, хотя и отмеча-

Переключение кода

Вопрос лингвистического статуса гендерных различий в языке предполагает в первую очередь их наличие. Вслед за подтверждением наличия различий требуется их описание. Эти два этапа для русской гендерлингвистики уже не новы: в настоящее время в работах Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Земская, Китайгородская, Розанова, 1990, 1993] даются достаточно подробные описания языковых гендерных различий – от фонетики до синтаксиса, а также в речевом поведении и в поэтике речи. В русском литературном языке эти различия почти без исключения (о чем речь пойдет ниже) проявляются в русском разговорном, но не в книжно-литературном языке. Это существенный факт, позволяющий, по крайней мере на первый взгляд, определить гендерлектные множества как два подмножества того, что называется русским разговорным языком. Из того, что условием проявления разговорных черт (т. е. разговорного языка) является непринужденность, неподготовленность речевого акта и близость между его участниками [Земская, 1973], следует, что и гендерлекты проявляются при названных коммуникативных условиях. Другими словами, носитель русского языка переключается на гендерлект в условиях «своего» модуса коммуникации [Йокояма, 1993; Yokoyma, 1999], т. е. именно в этих коммуникативных условиях носитель «подключает» те языковые правила (т. е. грамматику) и тот инвентарь (т. е. лексику), которые дают на выходе гендерно отмеченную структуру.

Подключение гендерлектов можно рассматривать как *code switching*, т. е. переключение с одного кода на другой – явление, достаточно хорошо известное в социолингвистике преимущественно в связи с межязыковым переключением. При исследовании переключения кода, в сущности, не важно, как назвать данное множество, данную «пачку» языковых признаков, раз все «пачки» находятся в когнитивном множестве (т. е. в уме) одного носителя. Важно их описать и установить условия их проявления. Суть вопроса намного шире. Любая языковая система гетерогенна даже в пределах того, что принято считать одним литературным языком. Гетерогенность подсистем одного языка, каждая из которых отличается определенной прагматической отмеченностью, обуславливает синонимы. Переключение кода – это выбор между синонимичными альтернативами, определенной дискурсивной ситуацией, т. е. условиями, при которых происходит общение, отношениями между коммуникантами и самой их личностью, социальной, когнитивной и психологической. Выбор этот далеко не всегда осознается говорящим, что отнюдь не исключает системность в процессе выбора, т. е. в процессе переключения с одного кода на другой.

лось отсутствие некоторых социальных факторов, необходимых для того, чтобы считать набор языковых признаков социальным диалектом, в частности, разобщенность женщин, отсутствие у них социального группового сознания и т. д. В это же время появились данные, указывающие на зависимость проявления признаков женской речи от дискурсивной ситуации, статуса, социальных отношений между собеседниками, гендерных ролей [O'Bagh, Atkins, 1980; Coats, 1993]. Зависимость от дискурсивных и прагматических факторов выявила сходство женской и мужской речи более со стилем, нежели с диалектом. Отметим, что польские лингвисты оперируют понятием «styl kobiecy» (стиль женский), по-видимому, считая множество признаков женской речи системой, на которую носительницы переключаются при определенных условиях.

Прагматическая модель переключения

Далее предлагается попытка смоделировать механизм порождения русских гендерлектов в рамках транзакционной модели дискурса³. Согласно модели в активизированной части сознания собеседников прототипично присутствует *дейксис*, включая референционное знание как говорящего, так и адресата. Эти единицы знания соотносятся с некоторыми ненулевыми множествами пропозиционных знаний, релевантных в данной дискурсивной ситуации, и находятся на окраине активизированной части сознания. Обозначив референционные знания говорящего через {я} и {ты}, соотносящиеся с ними пропозиционные знания можно представить следующим образом:

{я}		{ты}
1)	я говорю по-русски	ты говоришь по-русски
2)	я говорю по-N-ски	ты говоришь по-N-ски
3)	я тебе своя	ты мне свой/своя
4)	я тебе чужая	ты мне чужой/чужая
5)	я тебе земляк	ты мне земляк
6)	я женщина/мужчина	ты мужчина/женщина/ребенок
7)	я тебе мать/отец	ты мне сын
8)	я докладчик	ты слушатель
9)	я врач	ты пациент
10)	я пестун/пестунья	ты пестуемый

Не все из приведенных здесь или подобных им пропозиций присутствуют в сознании во всякое время и во всякой ситуации. Возможно, конечно, что присутствуют и не приведенные здесь пропозиции. Пропозиции, ассоциирующиеся с референционными знаниями {я} и {ты}, «профильтровываются» в соответствии с другими членами *дейксиса*, т. е. {здесь}, {сейчас}, в результате чего нерелевантные пропозиции не привлекаются⁴. Добавим, что поскольку основной единицей предлагаемой модели является *когнитивное множество* (т. е. человеческое сознание, явление далеко не изученное и зависящее также от психологии), точного определения релевантности, применимого огульно ко всем соотношениям между членами *дейксиса*, на данном этапе быть не может⁵.

Пропозиции, ассоциирующиеся с *дейксисом*, подчиняются определенным когнитивным правилам, формулируемым эмпирически. Существенна соотносительность пропозиций: те, что находятся в правом столбце, могут состоять лишь в определенных отношениях с теми, что находятся в левом. Так, например, 2 и 7–10 контрастны, а 1 и 3–5 параллельны. Некоторые пропозиции в одном столбце состоят с другими в том же столбце в импликационных отношениях: пропозиция [я женщина] в русском языке

³ Краткое описание модели см.: [Йокояма, 1992].

⁴ Уместно привести здесь в качестве примера антропологическое понятие «социальная личность» (social identity), у каждого взрослого человека таких понятий имеется по меньшей мере несколько. В работе [Goodenough, 1965: 3–7] подчеркивается, что социальная личность ego определяется только в совокупности с социальной личностью alter'a в результате сопоставления с последним.

⁵ Нетрудно представить себе, что, например, у профессора Серебрякова (шурина чеховского дяди Вани) пропозиция [я профессор] активизирована постоянно, независимо от дискурсивной ситуации, даже, скажем, когда он разговаривает с женой.

имплицитруется пропозицией [я тебе своя]. Наличие импликационных отношений, а также контрастные и параллельные отношения между пропозиционными знаниями, ассоциирующимися с референционными {я}, {ты}, {здесь} и {сейчас}, по-видимому, универсальны. Но на универсальности импликационных отношений между отдельными конкретными пропозициями настаивать не приходится. Сочетание пропозиции [я женщина] и [ты мужчина], например, имплицитует пропозиции [я ниже тебя] и [ты выше меня] лишь в некоторых, но не во всех языках и культурах. Сколько пропозиций может уместиться в активизированной части сознания – это тоже вопрос, на который в настоящее время мы не готовы дать ответа⁶. Для полной формализации предлагаемой модели и для разработки ее вариантов применительно к отдельным языкам необходимы дальнейшие эмпирические исследования.

В инвентаре каждого носителя языка предполагается наличие некоторых множеств языковых признаков, свойственных определенным территориальным или социальным диалектам, функциональным стилям или гендерлектам. Предположим, что существует прагматическое правило, подключающее то или иное множество языковых признаков при наличии соответствующих пропозиций типа 1–10. Согласно этому правилу женское гендерлектное множество подключается тогда, когда с *дейксисом* соотносятся, например, пропозиции 1, 3 и 6. Подобным же образом научный стиль подключается только при соотношении с *дейксисом* пропозиций 2 и 5⁷.

Если же носитель одноязычен и у него нет выбора, то единственный доступный ему диалект подключается при наличии пропозиции 1 безотносительно к наличию или отсутствию пропозиции 2 или 5⁸. При использовании транзакционной модели выбор говорящим определенного множества языковых признаков является следствием ассоциации с *дейксисом* определенных пропозиций. Вопрос о том, как разграничить разные варианты, не только гендерные, но и диалектные, и стилистические, становится неактуальным.

Переключение кода и некоторые гендерные признаки

Рассмотрим некоторые более сложные случаи порождения гендерлектных признаков. Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой описаны типично женские уменьшительные [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993: 124], свойственные разговорам с детьми и животными, а также

⁶ Отметим мнение Миллера [см.: Miller, 1956] о том, что человек способен скоординировать в уме до семи статусов, определяющих его отношение к партнеру. Предлагаемые здесь пропозиции отличаются от его понятия статуса категориальным разнообразием, включая не только социальные, но и когнитивные, личностные и психологические категории.

⁷ Данное моделирование схематично: в действительности различия намного тоньше – см. влияние фактора «образование» на язык беседы между земляками в местечке Hemnesberget [Blom, Gumperz, 1972].

⁸ Даже шекотливый вопрос о том, является ли данное множество языковых признаков языком X или диалектом языка Y, разрешается просто: если у данного носителя с *дейксисом* соотносится, скажем, лишь пропозиция [я говорю по-боснийски], находящаяся не на окраине, а в центре активизированной части сознания, а пропозиции [я говорю по-сербохорватски] не имеется даже на окраине, то подключаемое множество не что иное, как боснийский язык, а не диалект сербохорватского языка. Мнение специалиста-языковеда для рядового носителя нерелевантно.

типично мужское огрубление речи лексическими средствами [Там же: 122]⁹. Несмотря на типичность этих корреляций, авторы отмечают, что уменьшительные в разговоре с детьми и животными употребляются и мужчинами, а нарочитое огрубление встречается и у женщин (в последнем случае условием является отсутствие мужчин в конситуации).

В первых двух случаях речь идет о когнитивном статусе словообразовательного правила, которое приближенно обозначим как 11:

11) Лицо → личико

По-видимому, правило 11 подключается в связи с ассоциацией с *дейксисом* пропозиций 1, 3 и 10. Пропозиция 10 у женщин, по-видимому, имплицитруется наличием в активизированном когнитивном множестве пропозиций [я женщина], [ты ребенок], которое, в свою очередь, имплицитруется наличием пропозиции 3. У мужчин же пропозиции [я мужчина], [ты ребенок] и [я пестун], [ты пестуемый], по-видимому, не состоят в импликационных отношениях: их нужно ситуативно ввести через определенные временные и/или локальные соответствия знания (здесь, сейчас). У женщин условия подключения правила 11 проще, у мужчин – сложнее. Этим и объясняется относительная ограниченность применения правила 11 мужчинами. В любом случае уменьшительные подключаются не непосредственно благодаря их гендерлектной отмеченности, а скорее благодаря их связи с пестованием, т. е. с пропозициями 10¹⁰.

Огрубление женской речи можно представить следующим образом. Определенный набор грубой лексики подключается у женщин в связи с ассоциацией с *дейксисом* пропозиций 1, 3 и имплицитруемой пропозициями 3 пропозиции [я женщина]. При этом пропозиции [я женщина] должна соответствовать пропозиция [ты женщина]. У мужчин же достаточно всего лишь наличия пропозиций 1, 3 и имплицитруемой пропозициями 3 пропозиции [я мужчина]. Относительная редкость привлечения грубой лексики женщинами связана, по-видимому, с усложненными условиями ее подключения.

В качестве еще одного мужского признака, встречающегося у женщин, Земская, Китайгородская и Розанова [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993: 121] упоминают «влияние фактора «профессия»», наблюдаемое в разговорном лексиконе у мужчин и у «профессионально преуспевающих женщин». Это явление можно моделировать следующим образом. Профессиональный лексический инвентарь, по-видимому, коррелирует с неким профессиональным самосознанием, выражаемым пропозицией типа [я знаю медицинскую лексику]. У мужчин эта пропозиция ассоциируется с референционным знанием {я} даже в «своем» модусе, у женщин же подобного типа пропозиция присутствует в «своем» модусе только у профессионально преуспевающих индивидов. Отметим, что пропозиция, подключающая профессиональную лексику, должна коррелировать с парной пропозицией типа [ты тоже понимаешь медицинскую лексику] (или по крайней мере с пропозицией типа [ты не понимаешь, но и не возражаешь против медицинской лексики])¹¹. Пропозиции типа [я врач], выступающие пар-

⁹ Речь идет не об обсценной лексике, а о выражениях типа «дерьмо», «зараза», «хреновинка».

¹⁰ Йокояма [Yokoјama, 1999: 417] предлагает менее глубокий ролевой анализ названных явлений.

¹¹ Подобная уверенность в приемлемости эгоцентричного настроя говорящего для адресата представляет собой «импозицию» со стороны говорящего [Йокояма, 1992].

но с пропозициями типа [ты пациент], несовместимы с пропозициями 3, т. е. со «своим» модусом¹².

В отличие от рассмотренных выше гендерлектных признаков, связанных с пропозициями 3, эмфатическая растяжка гласного в речи женщин и согласного в речи мужчин наблюдается не только в «своем», но и «чужом» модусе [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993: 106–107]. Фонологические правила, эмфатически удлиняющие сегмент, несмотря на их гендерную специфичность, оперируют, по-видимому, безотносительно к присутствию пропозиции 3 или пропозиции [я женщина] или [я мужчина]. Они входят в состав фонологических правил у женщин и мужчин в любом случае, будучи доступным носителем при наличии в активизированной части сознания одной лишь пропозиции [я говорю по-русски], подобно тому как родной диалект привлекается к порождению речи у его одноязычного носителя при наличии пропозиции 1. Такого рода гендерлектные признаки, присущие одному или другому полу независимо от коммуникативного модуса, следует считать *абсолютными* гендерлектными признаками. В русском языке на статус абсолютного гендерлектного признака претендуют, по-видимому, только эти два правила. Все остальные признаки русских гендерлектов неабсолютны, будучи следствием переключения кода в «свой» модус. В этом отношении статус русских гендерлектов значительно отличается от статуса гендерлектов некоторых других языков, в которых абсолютны все гендерлектные признаки, как, например, в некоторых американских языках Северной Сибири и Юго-Восточной Азии¹³.

В работе предлагается решение вопроса о гендерной вариативности путем когнитивного моделирования процесса переключения кода. В частности, для гендерного анализа языка привлекательными являются представляемые предлагаемой моделью возможности формализации культурных ценностей, их иерархии и импликационных отношений между ними в связи с языковым выбором говорящего. Модель позволяет также формально выявить разницу между языками в отношении когнитивного статуса их гендерлектов: языки, по-видимому, расположены на гендерной шкале между теми, в которых гендерлекты состоят из одних абсолютных языковых признаков, и теми, в которых все гендерлектные признаки переопределяются как гендероролевые (как, например, рассмотренные выше уменьшительные), и становятся доступными для ситуативно обусловленного перехода из одной роли в другую: между этими двумя полюсами расположены языки смешанного типа, в которых абсолютные гендерлектные признаки сосуществуют с неабсолютными, вызываемыми переключением кода.

В предложенной попытке моделировать порождение гендерлектов носителями русского языка просматривается принципиальная возможность моделирования сложного когнитивного процесса переключения кодов вообще. В модели получают выражение культурные ценности и социальные отношения данной языковой общины наряду с когнитивными и психологическими особенностями данного индивида. Когнитивная способность подсознательно оперировать набором пропозиций, определяющих личность

¹² Предлагаемый здесь анализ представляет собой пересмотр анализа, представленного автором ранее [Yokoјama, 1999: 417].

¹³ См. в том числе классические работы Сэпира [Sapir, 1929 и др.].

в соотношении с адресатом, подлежит дальнейшему эмпирическому исследованию¹⁴. Весьма возможно, что предлагаемая модель значительно упростится при окончательной формулировке импликационных и прочих коррелятивных правил ассоциации пропозиций типа 1–10.

Список литературы

- Земская Е. А.* Русская разговорная речь. М., 1973.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Язык: система и подсистема. М., 1990. С. 224–242.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева М., 1993. С. 90–136.
- Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. Изд. 2-е. М., 1983.
- Йокояма О.* Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке // Вopr. языкознания. 1992. № 6. С. 94–104.
- Йокояма О.* Оппозиция свой – чужой в русском языке // American Contributions to the Eleventh Intern. Congr. of Slavists / Eds. R. A. Maguire, A. Timberlake. Columbus, 1993. P. 452–459.
- Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1974.
- Сиротинина О. Б.* Функциональные стили и формы речи. Саратов, 1993.
- Blom J., Gumperz J. J.* Social meaning in linguistic structures: Code-switching in Norway // Directions in Sociolinguistics / Eds. J. J. Gumpers, D. Hymes. N. Y.; Chicago; San Francisco; Atlanta; Dallas; Montreal; Toronto; L; Sydney, 1972. P. 407–434.
- Coats J.* Women, Men and Language. L.; N. Y., 1993.
- Crystal D., Derek D.* Investigating English Style. Bloomington, 1969.
- Goodenough W. H.* Rethinking «Status» and «Role»: toward a general model of the cultural organization of social relationships // The Relevance of Models for Social Anthropology / Ed. M. Banton. L., 1965. P. 1–24.
- Halliday M. A. K.* Exploration in the Functions of Language. L., 1973.
- Halliday M. A. K., Ruqaiya H.* Language, Context and Text: Aspects of Language in a social-semiotic perspective. Oxford, 1989.
- Miller G. A.* The magical number seven, plus or minus two: some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. 63. P. 81–97.
- O'Barr W., Atkins B.* «Women's language» or «powerless language»? // Women and Language in Literature and Society / Eds. McConnell-Ginet et al. N. Y., 1980. P. 93–110.
- Sapir E.* Male and female forms of speech in Yana // Donum Natalicium Schrijnen / Ed. St. W. J. Teeuwen. Nijmegen-Utrecht, 1929. P. 79–85.
- Wallace A. F. C.* On being just complicated enough // Proc. of the Nat. Acad. of Sciences. 1961. 47. P. 458–464.
- Yokoyama O. T.* Disbelief, lies, and manipulations in a Transactional Discourse Model // Argumentation. 1988. 2. P. 133–151.
- Yokoyama O. T.* Russian genderlects and referential expressions // Language in Society. 1999. 28. P. 401–429.

¹⁴ В этой связи интересны попытки Уолласа [Wallace, 1961] вычислить максимум примитивных таксономий.